

# А ЕСЛИ ОСЕЧКА С ДЕНЬГАМИ?

## ФРАНКО «БИФО» БЕРАРДИ

*Аннотация: В ходе второго уже года глобального кризиса, вызванного пандемией, центральные банки продолжают удерживать процентные ставки на низком уровне, при этом вливая огромные средства в экономику своих стран. Целью этой политики является стимулирование выдачи кредитов и также расходов, что призвано усилить потребительский спрос. В настоящем очерке, Франко Берарди однако утверждает, что если в двадцатом веке подобные вливания денег успешно стимулировали выздоровление и затем рост экономики, нынешние условия ограничивают возможность монетарной политики мобилизовать общество этим испытанным способом. Весь социальный организм, дряхлеющий и уставший от разочарований последних десятилетий в экономике и политике, все менее и менее воспринимает «монетарные провозглашения» - на которых и зиждется современная экономика, все более зависимая от финансов, а не от промышленного производства. И в то же время, императив капитализма требует безостановочного экономического роста и максимизации прибылей. Эти тенденции пробудили опасные хаотические процессы – в окружающей среде и в распространении вирусов, например. То и другое, увы, неподвластно контролю со стороны финансовых механизмов и даже политической воле.*

## ДЕПРЕССИЯ В СЕРДЦАХ

Прогнозы о будущем мировой экономики звучат сегодня не очень-то убедительно. Центральные банки разных стран пускают в оборот огромные суммы в попытках стимулировать спрос, который продолжают угнетать многочисленные локдауны и все беспокойство, вызванное пандемией. Но на сей раз нет гарантий, что нынешнюю депрессию удастся победить так же, как в свое время получилось при помощи «нового курса» президента Рузвельта.

В сегодняшних выкладках о будущем финансовой системы отсутствует нечто основополагающее – а именно, понятие об эволюции в субъективном обществе, и немудрено что подобные материи ускользают от внимания экономистов. Центральные банки вливают в экономику миллиарды, даже тысячи миллиардов. Хватит ли их, чтобы возродить социальное обеспечение? Это будет зависеть от того, насколько эффективны заявления финансистов.

Вот что утверждает Роберт Дж. Сорделло (Robert J. Sordello): «Деньги движут происходящим. Они – источник всех действий, наблюдаемых в мире». А вот другой исследователь, Кристиан Марацци (Christian Marazzi), при этом считает, что накопление капиталов – это все более и более следствие языковых процессов. На деле, производство физических товаров все больше сменяется процессом обмена информацией, как это видно в современной сфере «семиокапитализма». К тому же, рост влияния финансистов подразумевает, что их предписания, гипотезы, прогнозы и все подобные языковые сообщения формируют собой весь цикл накопления материальных благ.

Мы же предполагаем, что язык и деньги имеют нечто общее: хотя они и неосязаемы, при этом они движут всем вокруг. В этом и состоит урок, который мы вынесли из недавней эры современности. В

ней язык и деньги являлись мощными инструментами мобилизации, а деньги и вообще подчас были окружены аурой всемогущества.

Социальные силы всегда ожидали стимулирования извне, для того, чтобы начать действовать. Им необходимо было словесное поощрение, некое обещание благополучия и развития. А также и денежная стимуляция в виде зарплаты - то есть компенсация, которая придавала бы смысл всему их бессмысленному акту труда.

Но не стоит недооценивать и второе важное сходство между языком и деньгами. И то, и другое является инструментом для сравнения, измерения и удержания под контролем всего окружающего нас мира. А в нынешней ситуации, я далеко не уверен, смогут ли деньги и политика добиться желаемых результатов, как то было раньше.



\$\$\$BIT\$\$\$ (still) – Marina Heintze

Ведь действенность (то есть, практическая эффективность) любого языкового обмена зависит не только от воли того, кто провозглашает что-либо. Действенность также зависит и от способности слушающего расшифровать высказанное сообщение, и начать действовать согласно ему. К примеру, если слушающий, скажем, глух, недееспособен или просто мертв, то высказанное ему сообщение не возьмет желаемых результатов.

Экономисты вот полагают, что цикл накопления определяется только экономическими факторами. Это невзирая на предположения, которые высказал Дэниэл Канеман (Daniel Kahneman) - будучи не экономистом, а психологом, он умудрился заслужить Нобелевскую Премию по экономике, причем за исследования психологической подосновы принимаемых экономических решений.

В двадцатые годы прошлого века, субъективное общество пыталось выздороветь от потрясений более серьезных, чем то, что происходит с миром сегодня. Это были Первая Мировая Война и затем мировая эпидемия так называемого «испанского» гриппа, от которого погибли 50 миллионов человек.

Тем не менее, население стран Запада, которые тогда вышли победителями из мирового конфликта, положительно восприняло финансовые меры. Такие, как впрыскивания денежной массы со стороны центробанков, доходы от послевоенных репараций от побежденной Германии, поступления от появившихся новых технологий, и от капиталовложений в военное дело.

Это правда, что те самые «бурные 20-ые» годы проложили дорогу к биржевому кризису 1929 года, и ко всей Великой Депрессии, которая последовала. Но тем не менее, на фоне всего происходящего мотор капиталистической системы удалось тогда завести снова, и в последующие десятилетия мировая экономика продолжала расти. Среднестатистическое население западных стран было молодо, и несмотря на трагедию военных лет, имелись идеологические перспективы, которые помогли тогда мобилизовать общественные устремления. Они были нацелены в противоположные стороны – в направлении коммунизма, или фашизма, или же либеральной демократии.

В нынешнее же время, ни демографическая ситуация, ни идеологические перспективы уже не те. Население западных стран сейчас гораздо старше, оно ментально истощено, а обещания политиков давно разочаровали тех, кто ранее верил в идеалы демократии.

Нынешняя депрессия глубоко укоренилась в сердцах, даже если экономисты и не разбираются в неосознаемых вибрациях человеческого подсознания.

В сегодняшних условиях, денежные меры воздействия могут терять свою силу. Одновременно, и язык тоже может терять свою былую силу убеждения. Весь общественный организм, в свое время мобилизованный стремлением иметь больше материальных благ, или больше секса, теперь начинает терять обороты.

Общество теперь мутировало в нечто такое, что уже плохо соотносится с былой страстью приобретательства, на которой было все когда-то построено. Вдобавок, нечто странное происходит и с самим актом измерения, подсчета и обмена. Ведь он подразумевает измеримость всех вещей и возможность подчинять себе любые процессы.

## КОНЕЦ МЕРЫ

В его современном виде, гуманизм был основан на принципе Протагора: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют».

Впоследствии, гуманизм преобразовал этот принцип в методологию действия. Слово ratio (разум) в латинском языке обозначает так же и понятие «меры». А посему, невозможно управлять обществом, если его социальные отношения нельзя свести к измеряемым стандартам.

Согласно учению Протагора, политика – это искусство сознательного управления вещами и явлениями, которые разворачиваются в историческом времени.

Но похоже, что в наш пост-модернистский век испытанный принцип Протагора более не работает. Мы вышли за пределы пространства, которое можно было измерить...

Возьмем для рассмотрения явления, которые разворачиваются перед нами. Это не действие индивидуальных участников, не методология политических решений, а распространение незаметных глазу воздействий (радиационных лучей или вирусов, вызывающих пандемию), которые не могут быть сведены к абсолютному пониманию их природы. С другой стороны, мы также видим широкомасштабные природные явления (изменение климата и вызванные им бедствия). Феномены и первого, и второго порядка приводят в действие необратимые динамические процессы, над которыми политическая воля уже не властна.

И вот, инструменты рационального политического разума становятся никчемными на этом уровне явлений – либо незаметных глазу микроскопических процессов, либо наоборот, процессов громадных и глобальных, которые нельзя не видеть. Так что, споры о различных формах управления обществом мало чего теперь стоят, поскольку рациональная воля и политические решения уже не могут сдерживать эволюционные процессы, запущенные безудержным ростом производства, потребления и разрушения.

На данном этапе, рациональность политических действий стала настолько беспомощной, что на политической арене преобладают сумасшествие, обман и слабоумие. Иными словами, уже не важно, пьян ли или трезв водитель, если его автобус уклонился от дороги и начал падать на дно пропасти глубиной пятьсот метров. В тот момент, когда автобус только начало выносить за пределы проезжей части, конечно было бы здорово, если бы его водитель не был пьян и среагировал бы. Но теперь автобус уже в свободном падении, так что вопрос о трезвости его водителя уже мало кого интересует.

Мы видим, что в лабораторию Протагора вторглись силы либо исключительно микроскопические, либо чрезвычайно глобальные – и лаборатория эта взлетела на воздух. Политические инструменты и методы стали бесполезными на нынешнем этапе. Наша воля уже не в состоянии развернуть в обратную сторону все эти процессы, которые подпитывают сами себя и неумолимо набирают ход.

Осознанные действия вроде бы только усиливают эти процессы разрушения – на деле, вероятность войны возрастает, когда политики бессильны, а окружающая среда вышла из подчинения. океан, а леса уничтожают пожары, массы обездоленных людей начинают скитаться и мигрировать в поисках новой территории. В результате же, обитатели еще не затронутых бедствием территорий начинают защищать свои владения от непрошенных пришельцев.

Воля, доведенная до бессилия, приобретает форму паники. Мы являемся свидетелями окончательного и панического бегства.

## БЕСПЛОТНАЯ СИЛА ДЕНЕГ

Финансовая игра основана на симуляции семиотики, то есть на симуляции знаков. Понять правила этой игры до конца невозможно, поскольку они постоянно меняются. Правила эти не от природы, ведь они являются продуктом бесконечных договоренностей и условностей. Это – лингвистическая проекция, основанная на силе власти.

Одно из возможных определений власти - это наложение свода неких правил на обмен чем-либо, например на языковой обмен. Как уже сказано, деньги и язык сами по себе неосвязаемы, но при этом движут всем вокруг. Деньги – это знак, лишенный смысла. Вся их значимость проистекает от языкового акта, который и назначает им ценность через ее провозглашение.

Волатильность финансовых рынков не стоит объяснять различиями между монетарно-финансовой экономикой и, так сказать «реальной экономикой» (материальными благами, которые производят и которыми обмениваются). Эту волатильность лучше объяснять неопределенностью умственных вибраций, которые пытаются управлять общественной и экономической жизнью.

Вспомним, что различие между экономикой «реальной» и экономикой монетарной потеряло смысл еще в 1971 году, когда президент Никсон отменил конвертируемость американского доллара в золотой эквивалент. С тех самых пор, связь между финансовыми рынками и рынком «реальным» разорвана, и взамен построен новый порядок так называемой реальности в экономике.

Эта мера Никсона в одночасье обнажила всю семиотическую, знаковую сущность денег. Была проложена дорога к свободно плавающему соотношению между знаком и тем, что он обозначает. После нововведений 1971 года, финансовые рынки перестали быть выражением чего-бы то ни было «реального» в экономике, или же денежной поддержкой нужд «реальных» инвесторов. Биржевой рынок стал фабрикой, которая делает деньги из ничего, при этом производя вполне реальные последствия через социальное распределение благ. Сама концепция «реальности» экономики на тот момент стала хрупкой и неуловимой, поскольку взаимоотношения между знаком и тем, что он выражает, начало свободно колебаться.

Затем же, финансовый кризис 2008 года явился результатом накопления сверх меры всяческих актов денежной симуляции – вспомним производные финансовые инструменты (derivatives), своп

кредитного дефолта, и также, в большей мере, бюджетные дефициты и формы долга. В один миг, вся эта симулированная денежная конструкция развалилась, и обществу пришлось оплачивать сразу по многим счетам – таким, как обеднение населения, неустойчивость найма, приватизация социальных служб, и так далее.

Долг всегда был и остается языковым орудием, которое вынуждает людей подчинить свое существование эксплуатации.

Ведь что есть решающий фактор в финансовом режиме, где все ценности свободно колеблются? Кто именно решает, сколько стоит какой-либо актив? Кто диктует смысл провозглашенной стоимости, в условиях когда связь между знаком и тем, что он выражает, случайна? Ответ таков: сила власти. Ведь фиксированный режим обмена между денежным знаком и тем, что он выражает был упразднен, и его заменили на новый режим, где придаваемый деньгам смысл свободно плавает. А посему, обоснованием финансового рынка (да и любого рынка вообще) теперь является насилие. Это - насильственное насаждение верховенства. Но сейчас начинает казаться, что как язык, так и деньги уже утратили большую часть их могущества и эффективности.

Вспомним про радиоактивные частицы, выброшенные в атмосферу после аварии в Фукусиме и распространившиеся затем по всей планете. С ними, деньги и язык мало что могут поделать, и вредные частицы будут присутствовать в атмосфере еще миллионы лет. Или вспомним про лесные пожары, бушующие на тихоокеанском побережье США или в Сибири. И тут тоже, деньги и язык совсем бессильны, потому что воздух все жарче и суше, так что в будущем году пожары выжгут еще больше лесов.

Неосязаемое могущество денег ничего не может поделать против весьма и весьма материальных сил природы, которая вышла из подчинения.

## ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Пандемия научила нас вот чему – не всегда можно купить за деньги то, что нам необходимо. А то, что мы можем купить, вряд ли можно будет использовать. Экономисты продолжают утверждать, будто спрос снова начнет расти, как только пандемия закончится. Возможно.

Мне кажется, что этот прогноз экономистов не имеет под собой почвы, поскольку он не берет в расчет происходящую мутацию общества.

С тех самых пор, как Никсон положил конец фиксированному денежному обмену доллара в золотой эквивалент, и заменил его на свободно плавающий монетарный режим, вся сфера финансов стала все более и более отдаляться от сферы производства, распределения и потребления.

Когда-то финансы были инструментом для инвестиций в производство. А ныне, финансы превратились в чисто спекулятивный метод хищения чужих общественных ресурсов. А это поощряет парадоксальное пере-распределение благ, когда у малоимущих отбирают, чтобы отдать тем, у кого все больше и больше средств.

И теперь, на втором году пандемии, мы наблюдаем, как рабочих увольняют, постоянные рабочие места исчезают, зарплаты уменьшаются, а ненадежный труд от случая к случаю загоняет людей в рабские условия. И тем не менее, финансовые рынки восторженно оптимистичны.

А расхождение между деньгами и реальной жизнью все увеличивается. Это потому, что язык и деньги все меньше и меньше способны мобилизовать полезные тенденции общества. Язык и деньги все меньше и меньше могут подчинить себе хаотические процессы. И таким образом, все меньше и меньше они в состоянии предоставить нам то, что необходимо.

– Июль 2021 г.

---

Freeman, Kathleen. *Ancilla to the Pre-Socratic Philosophers: A Complete Translation of the Fragments in Diels' "Fragmente der Vorsokratiker."* Blackwell, 1948.

Marazzi, Christian. *Capital and Language: From the New Economy to the War Economy.* Translated by Gregory Conti, Semiotext(e), 2008.

Sordello, Robert J. *Money and the Soul of the World.* Pegasus Foundation, 1983.

---

*Franco Berardi*, aka "Bifo," founder of the famous Radio Alice in Bologna and an important figure of the Italian Autonomia Movement, is a writer, media theorist, and media activist. He currently teaches Social History of the Media at the Accademia di Brera, Milan.

*Nick Portugal*, translator, believes that each individual lives as many lives as they speak languages. In addition to his native Russian, he has been fortunate to travel the world and dedicate some years to exploring Mandarin, English and most recently French. Based in Toronto, Nick enjoys occasionally going back to his earliest career as a translator, to try and create textual links among these cultures.

*Marina Heintze* is a Jewish New Yorker born and raised in NYC. She is a graduate of CalArts and Parsons School of Design. Heintze has shown at Kerry Schuss Gallery, The Knock Down Center, ArtShare LA, Spring/Break Art Show, and Field Projects gallery. She has been published in Vast Magazine, Hyperallergic, and ArtNet. Her practice and job experience are in the area of research and development in medical science, production, graphic design, and as a tattoo artist. Marina Heintze lives and works out of her studio, Minutiae, in Los Angeles, California.

\$\$\$BIT\$\$\$ is shown here is as a still of the full video shown at [stillpointmag.org](https://stillpointmag.org).